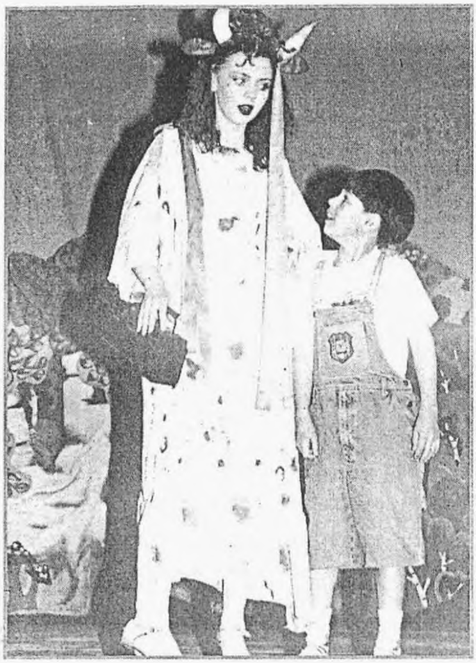
Россия Калуга ТЮЗ 20.06.02

Весть - Калуга - 2002 - 20 июня - с.4

САМОЕ ГЛАВНОЕ ИСКУССТВО



Для очень многих людей, в той или иной мере интересующихся искусством, театр юного зрителя - не совсем полноценный театр. Скорее любительский, нежели профессиональный. Скорее развлекательный, нежели художественный. Если где-то когда-то и похваливают тюзовские постановки, то как-то снисходительно, свысока. При этом заранее предполагается, что театральное искусство может твориться лишь на подмостках «взрослых» театров.

Да ведь и самим тюзовским актерам нередко кажется, что занимаются они не совсем настоящим делом. Как-то несолидно это - из года в год изображать из себя то зверье, то сказочных чудищ, то хороших и нехороших детишек... Вот в драмтеатрах - там все другое, совсем другое: то утонченный психологизм, то еще более утонченный абсурдизм. Самовыражайся сколько душе угодно! А тут...

Смею думать, однако, что дело обстоит несколько иначе. А пожалуй, даже и совсем иначе. И, поверьте, у меня есть серьезные основания так думать. За последние годы мне не раз довелось побывать в в стенах нашего Калужского ТЮЗа. В том числе на совсем недавней премьере спектакля «Про Гришку». Спектакля, ориентированного не на юношескую аудиторию, не на подростков даже, а на детвору.

Ну, казалось бы, что может быть интересного для меня, более чем взрослого человека, в истории становления характера городского мальчишки, оказавшегося вдруг в деревне, на лоне природы? А тем не менее до самого конца театрального действа я с увлечением следил за приключениями милых и обаятельных персонажей - самого Гришки (эту роль попеременно исполняют совсем юные Тим Похиленко и Ваня Щеглов), Дяди Феди (Вячеслав Голоднов), коня по кличке Квадрат (Александр Пегасов, Е.Голосков), Болонки (Евгения Гравит, А.Черноиванова), щенка Шарика (Игорь Тимерьянов) и козла Шурика (Иван Ерохин и Кирилл Ланцев)...

А вокруг меня взволнованно гудела и сопела орава наших калужских девчонок и мальчишек. Как переживали они каждое сценическое событие! На моих глазах творилось нечто необычное - во всяком случае для меня: дети, бойкие, озорные, задиристые, тянулись - именно тянулись! - к искусству. Причем тянулись жадно - как к мороженому, как к грозди крупного винограда...

Я не случайно воспользовался сравнением гастрономического толка: в этом восприятии детьми театрального действа было что-то почти физиологическое. Что-то совершенно непосредственное и сильное. А ведь в сюжете постановки, право же, нет ничего уж очень «аппетитного», тем паче - пикантного. Более того, по сути своей спектакль по пьесе Погодина дидактичен. А много ли вы встречали на свете мальчишек и девчонок, которые бы любили выслушивать проповеди на моральные темы? Я, к примеру, не встречал...

Спрашивается: каким же образом удалось главному режиссеру театра Михаилу Визгову сделать увлекательной постановку на тему «Что такое хорошо и что такое плохо»? Кое о чем знает только он сам, а кое о чем можем догадаться и мы - зрители. Прежде всего отмечу, что все его спектакли - в том числе и «Про Гришку» - сделаны словно бы на одном дыхании. Тут все к месту, все едино: музыка, хореография, художественное оформление... Действие оказывается предельно слитным - никаких пауз, никаких остановок. Театральная машина, направляемая Визговым, катится очень быстро, но в кювет при этом не слетает, а прибывает в точно назначенное место.

Впрочем, это сравнение спектакля с машиной если и справедливо, то лишь отчасти. Да, постановки слажены крепко, основательно. Кажется, все в них просчитано - до секунды, до сантиметра. И у буйной тюзовской публики нет времени, чтобы отвлечься от спектакля и заняться своими преинтересными делами.

А вместе с тем актеры тут не винтики, не детальки большого и многошумного механизма. Они не отрабатывают заданные им роли - нет, они работают в полную силу своих талантов и умений. А кроме того, вполне естественно, органично живут на сцене. Мне кажется, в этом сказывается очень важная принципиальная установка Михаила Визгова. Он, несомненно, сторонник и апологет «органического театра» - театра, в котором раскрываются не только идеи, но и люди. Индивидуальность актера не заслоняется его ролью. Напротив, роль мыслится как продолжение этой самой индивидуальности. Души актеров, а вместе с ними и весь спектакль оказываются распахнутыми зрителям.

Каким образом достигается это, я не знаю. Тайна сия велика есть. Может быть, и Визгову она известна лишь отчасти. Тут ведь мало только что-то знать и что-то уметь - тут надо кое-что чувствовать, кое-что нюхом улавливать. А еще надо - уж простите за банальность - просто любить актерский люд, чаще всего не слишком-то благонравный. Только в этом случае театральные личины обернутся живыми лицами, а роли, пусть даже и совсем условные, обретут жаркую конкретность.

Насколько я понимаю, для Калужского ТЮЗа главнейшее из искусств - искусство дружественного сосуществования с публикой. Хотя бы потому, что это совершенно особенная публика - ершистая, непоседливая. И зачастую, скажем так, внекультурная. Головы приходящих в ТЮЗ девчонок и мальчишек набиты, как трухой, всяческой «информацией» - часто малозначимой, еще чаще мерзопакостной. Но мало кто из них владеет знаниями и навыками, благодаря которым «двуногое существо без перьев» - определение Платона! - становится человеком в полном и высоком смысле этого слова.

Впрочем, при всей открытости, эмоциональности театрального действа оно задумано и выделано хитро и остроумно. Совсем не случайно, например, главная роль в спектакле «Про Гришку» была отдана не травести, а всамделишным мальчишкам. Тут опять же установка на прямой и непосредственный контакт с публикой. Ведь именно с главным героем отождествляют себя в первую очередь юные зрители - и почувствуй, угадай они, что Гришка не настоящий, что он - зрелых лет дама, они, уверен, сразу же охладеют к театральному представлению, каким бы замечательным оно ни было.

И еще одна хитрость: найдена и тщательно выдержана интонация доверительности и лиризма. И это при обилии всяческих передвижений, разговоров и прочих сценических событий. А ведь это уже - знак профессионализма. Я прекрасно понимаю, как ответственно звучат эти слова в отношении ТЮЗа, то есть театра, в котором играют актеры, дипломами РАТИ и других театральных вузов не обремененные.

Однако качества художественного действа определяются не его составными элементами, а его эстетическими результатами. Можно ведь и из топора сварить кашу, а можно и прекрасное вино превратить в уксус. Так вот Калужский ТЮЗ, этот экспериментальный театр-студия, творит искусство чуть ли не из ничего, чуть ли не на пустом месте, не имея ни актерских кадров, ни солидного финансирования.

Есть такой постулат, когда-то постоянно повторявшийся, а ныне, кажется, кое-кем уже забытый: писать (а также рисовать, играть) для детей надо так же, как для взрослых, только лучше. Помните, какие замечательные, великолепные книжки для детей издавались некогда в СССР? Я уверен, что те люди, которые работают в нашем ТЮЗе, всегда помнят этот постулат. Но как было бы хорошо, если бы не только деятели культуры, но и те из нас, кто имеет много власти, или много денег, или много того и другого, относились к театру юного зрителя так же, как к «взрослым» театрам, только лучше!

Потому что любить ТЮЗ - это ведь еще значит любить детей. А еще потому, что ТЮЗ - учреждение совершенно особенное, социально значимое; он, грубо говоря, «прочищает мозги» и души тысяч и тысяч юношей и девушек, мальчишек и девчонок. Чуть ли не насильно втягивает в теплые пространства искусства не только будущих Смоктуновских и Раневских, но и потенциальных наркоманов, алкоголиков, проституток... ТЮЗ - театр первой помощи, театр, в котором спасаются души.

Нет, конечно же, я не так наивен, чтобы считать искусство панацеей от всех наших социальных бед. И я понимаю, что даже несколько посещений ТЮЗа не перевернет душу, не превратит хулигана или уличную девчонку в ангелочков. Но, попав в театр, дети всегда - и навсегда - обретают хотя бы капельку веры, надежды, любви. А уже это очень много. Чем больше света будет в их душах, тем прямее будут их жизненные пути. И тем светлее, лучше будет наше - всей страны нашей - будущее...

Владимир **ОБУХОВ**.